

Мой абсолют

Яшви Садхир

Старший принц с Шэн собрались спать сразу же, как только Бо-джи закончила с первоначальным лечением Сонгцэна. Его состояние по-прежнему было далёким от нормального, но Яшви была уверена, что тигрица не пошла бы спать, пока не убедилась в отсутствии любой опасности его жизни. Незаметно наступило утро, стало чуть теплее, чем было ночью, но Яшви все равно чувствовала, как прохладный горный воздух пробирается сквозь складки теплой одежды ближе к телу. Пока она упрямо шла к своей цели, она не чувствовала холода. Хоть это ни шло ни в какое сравнение с монгольскими зимними морозами, Яшви сейчас не отказалась бы от теплого дэгэла и миски горячего сытного монгольского чая.

Одна из женщин сделала Сонгцэну укол и вернулась к своим делам, и только после того, как все занялись какими-то своими дневными заботами (чем бы ни занимались туристы не пойми где на Тибете), Яшви подошла ближе к Сонгцэну, опустилась рядом с ним на колени и осторожно коснулась рукой его руки. Яшви не очень хорошо понимала врачевание, да и в целом не разбиралась в лечении, не так много знала об организме человека, как ей хотелось бы, и сейчас не знала, что может ему навредить, а что нет и, честно говоря, немного боялась его как-то трогать, чтобы не причинить боли.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн устало улыбнулся, когда к нему подошла Яшви. Сейчас он впервые мог видеть ее не издалека. Он почувствовал, как она коснулась его руки, но не мог даже пошевелить этой рукой, чтобы как-то ответить на ее прикосновение. Он был рад, что она рядом, хотя ему было ужасно неловко, что сейчас она его видела в таком виде. Сонгцэн привык быть сильным, а сейчас не мог пошевелиться и должен был смириться с тем, что какое-то время будет так. Плен и беспомощность были двумя уроками, которые нужно было усвоить: одинаково губительно считать, что это быстро закончится, или считать, что не закончится никогда. Правильным было признать, что сейчас его реальность будет именно такой.

- Яшви, - произнес Сонгцэн, не зная, что сказать еще.

Она и сама знала, что ужасно устала. Он был благодарен ей, что она рядом и его нашла. Он переживал за нее, видя, какой ценой ей дались эти поиски. И мать, и отец привыкли к долгим переходам в горах, это было частью их подготовки как воинов клана. Никто не любил марш-броски по трое суток и не считал их легкой прогулкой, но воин клана умел из преодолевать. Яшви к этому никогда не готовилась, и Сонгцэн не знал, сколько времени она искала его в окрестностях Кангринбоचे, пока не оказалась здесь.

Яшви Садхир

Было непонятно, чувствовал ли Сонгцэн ее прикосновение, или нет, потому что он практически не двигался. Его рука была едва теплой на ощупь, но это все равно была рука Сонгцэна. Он был здесь, он был жив, и этого оказалось уже достаточно,

чтобы Яшви чувствовала себя спокойнее.

Яшви едва заметно улыбнулась в ответ, но дальше тоже замолчала, не зная, что ему сказать. Что она волновалась, ей было страшно, что она не могла думать ни о чем, кроме того, что с ним происходит? Она не видела необходимости сообщать об этом вслух, потому что сейчас она была здесь, рядом, и это само говорило за себя. Яшви была не мастер проявлять эмоции открыто, особенно в присутствии посторонних людей, которых даже немного опасалась ввиду того, что не понимала, кто они и о чем говорят из-за незнания их странного языка.

- Зачем ты поехал к Кангринбоче? - наконец спросила Яшви. Если все остальное - кто и зачем похитил Сонгцэна, что с ним происходило - было для Яшви вторичным вопросом, то это интересовало ее более прочего.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви задала вопрос, над которым он сам сейчас боялся думать. Он уже считал глупостью, что оказался здесь без отряда из-за чего попал в плен. Но священная гора дала ему ответы, которые он искал, просто донесла их смысл таким образом, что больше спрашивать не хотелось. И Сонгцэн не знал, как лучше ответить сейчас. Он не боялся быть откровенным с Яшви, он боялся быть откровенным с собой самим. И ему казалось, что сейчас кругом были глаза и уши, хотя паломники не понимали Непали, а мать с ее тигриным слухом наверняка уже спала.

- Хотел пройти Кору, чтобы понять, что происходит, - ответил Сонгцэн.

Он вспомнил разговор с Сато и сейчас подумал о том, что даже если бы знал, чем закончится это падение, все равно поступил бы точно также. Ему было ужасно неприятно вспоминать подробности того, что происходило, и он надеялся, что в памяти не всплывет ничего нового по этому поводу. Он внимательно посмотрел на Яшви, насколько это получалось, потому что все еще лежал на животе.

- Я получил ответ на свой вопрос, - признался Сонгцэн. - Не могу сейчас рассказать. Потом расскажу, не при всех.

Яшви Садхир

Ответ Сонгцэна не сделал происходящее ни на каплю понятнее. Что он хотел пройти Кору, она уже поняла из слов Бо-джи, которой хотя бы сообщили о письме Сонгцэна, Яшви же хотела понять, какие именно ответы он искал. И стоило ли идти за ними так далеко?

- Хорошо, - Яшви не стала настаивать и продолжать выпытывать, чтобы в свою очередь получить ответ на свой заданный вопрос. Сонгцэн был не готов говорить, возможно, она не была готова слушать. Говорят, что на Кайлас многие приходят за ответами. Яшви не знала, было ли это судьбой, предначертанный, высшим замыслом вселенной или даже Провидением, на которое многие так любили перекладывать ответственность за все происходящее, для себя Яшви поняла две вещи: что Кайлас ей не нравится, потому что здесь много духов, и ее способность сходит с ума, потому что энергия слишком сильная; и что ей нужно учиться способности контролировать под присмотром более опытного и знающего шамана.

В монастыре была тетушка Весна, но Яшви казалось, что вернее было бы все-таки вернуться для этого в Монголию, а заодно и узнать, как у Алахчит обстоят дела с разросшейся Ордой.

- Я нашла лисичку, - она вынула из сумки войлочную игрушку, слегка запылившуюся, но без разводов крови, как ей казалось в видении. - Пусть будет с тобой и сейчас тоже.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн чувствовал, что мог говорить с Яшви о том, что происходило с ним, и что он по этому поводу чувствовал. Но только с Яшви и больше ни с кем, и точно не сейчас, а когда он чуть больше придет в себя. Потому что сейчас он считал, что один его вид вызывал жалость. Ему было тяжело принимать себя таким, каким он был. Ему хватало ума понимать, что и Яшви, и родители были здесь не ради чувства долга и помогали ему не из жалости, а потому что они его искренне любили и искренне за него переживали. Но сам он никак не мог смириться со своим состоянием.

- Спасибо, - сказал Сонгцэн, когда увидел лисичку. Этот оберег он носил с собой всегда, и думал, что он пропал навсегда, когда очнулся в плену без рубашки. - Я думал, что её уже не найти. Положишь рядом?

Рядом с Яшви ему становилось лучше. Конечно, не последнюю роль в этом играло то, что ему догадались сделать укол обезболивающего, но сам Сонгцэн об этом не вспоминал. Он понимал, что ему повезло, что в его жизни была его Яшви. Даже в тот момент, когда все остальное было хуже некуда.

- Меня ужасно бесит, что я сейчас ничего не могу, - признался Сонгцэн. - Ужасно, что не могу пошевелиться, и еще хуже, что не могу пользоваться магией. Вообще не чувствую энергию.

Яшви Садхир

- Она была в твоей куртке. Мы нашли ее в одном из домов у обрыва. Она привела к тебе, - Яшви не рассказывала Сонгцэну, что в этой войлочной, довольно простой, бесхитростной на первый взгляд лисичке, которую она сделала сама, было то, что навсегда могло привязать ее к этому миру. Однажды она уже пообещала, что когда придет время, она останется среди тех, кто будет приходить к шаманам и сопровождать их в трансах - будет кому-то проводником, каким была ее многорукая тень, называющая ее Охин. Насмешливая, говорящая закадками, не дающая прямых ответов, но все же - никогда не оставляющая ее наедине с полчищами духов.

Ветер выбивал волосы из простой длинной косы, которую она заплела перед отъездом, и Яшви убрала за ухо посеребренную прядь - то, что она восприняла с пугающим спокойствием и осознанием, что так и должно быть. Ее это не заботило - если бы ценой стало и что-то большее, она бы заплатила, не торгуясь.

Она положила лисичку чуть выше лица Сонгцэна, на край туристической пенки, так, чтобы она не загораживала ему обзор, но чтобы всегда находилась в поле зрения. Конечно, в понимании остальных это была просто милая, немного несуразная

самодельная игрушка, пусть таковой для них и остается. Затем Яшви подтянула спальник поближе и устроилась в нем, как в коконе, подле Сонгцэна, глаза в глаза, чтобы ему не пришлось сильно напрягаться, чтобы на нее посмотреть.

- Это из-за знака на плече? Это какая-то магия?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн улыбнулся, когда Яшви положила лисичку рядом с его лицом, а вскоре она и сама улеглась так, что он мог ей хорошо видеть. Он бы предпочел оказаться с ней во дворце резиденции Королевских Кобр, будучи в прежней физической форме. Но так было бы, если бы от Грифов он уехал в Покхару, а не в Кангринбоचे.

- Это офуда, - ответил Сонгцэн. - Обычно такие заклинания пишут на бумаге. Офуда ша-ци лишает возможности использовать магию. Они набили мне её в виде тату. Пока её не свели, я не могу вообще работать с энергией.

Выбирая между тем, чтобы быстрее встать на ноги, и быстрее избавиться от тату, он был безусловно выбрал второе. Потому что тогда сам мы получил возможность работать с собственной энергией, восполняя ей от горевшего рядом костра и протекавшей вблизи реки. Неспособность использовать магию для изучавшего её с детства Сонгцэна была равнозначна неспособности пользоваться собственными руками.

- Я надеюсь, родители помогут от неё избавиться, - сказал он. - Как ты меня нашла?

Он знал, что для прорицателей окрестности Кангринбоче были слепой зоной, думал, что и духи шаманов не сильно могли помочь в месте, так наполненном энергиями.

Яшви Садхир

Сонгцэн был укрыт одеялом, так что сейчас Яшви не видела тату на его плече, да и вообще смутно помнила, что там изображено, скорее всего какие-то иероглифы, хотя обычно не стеснялась его разглядывать, когда у нее появлялась такая возможность. У него было сильное, красивое тело воина, гибкое и жилистое, и все в нем казалось Яшви идеальным, подходящим, таким, каким и должно быть, потому что это был ее Сонгцэн, ее принц, а у принцев, как известно, не может быть недостатков. Но даже особо не помня, какой была тату, Яшви считала, что без нее ему было намного лучше. Тем более, когда она причиняла ему такие неудобства, как невозможность пользоваться магией. Для Яшви магия была не такой важной вехой ее жизни, она представляла себе, как можно существовать без нее, для Сонгцэна же она была привычной с детства.

- Ее же можно будет как-то вывести? Мне кажется, Бо-джи что-то придумает, - стоило Яшви оказаться в тепле спальника, как усталость стала наваливаться с новой силой, буквально прижимая ее к земле. Тело казалось тяжелым, грузным, непослушным, но Яшви сопротивлялась и сну и усталости, чтобы не оставлять Сонгцэна одного.

- Бо-джи сказала, что ты написал письмо Его Величеству, что поедешь к Кангринбоче, и что отряд вернулся без тебя, - она задавалась вопросом, могли бы

они его не послушаться и остаться ждать, например, в деревне у начала священного пути? Наверное, нет., ведь они не могли не подчиниться приказу. Но все же...Если бы хотя бы кому-то из них пришла одна единственная мысль остаться... - Пока лисичка с тобой, она приведет меня к тебе. Даже если мне нужно задавать вопросы, чтобы получить ответы.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Отец сказал, что они с мамой ее удалят, - сказал Сонгцэн.

Он был согласен на что угодно, даже если тату нужно будет срезать или выжечь. За эти дни он уже смирился с тем, что ему больно, но у этой боли хотя бы будет цель.

- Пока отец не пришел, я просил этих иностранцев срезать тату, но они решили, что я в бреду, - добавил Сонгцэн. - И не думаю, что кто-нибудь из них на такое мог бы решиться.

Он слушал о том, как Яшви смогла его найти с помощью лисички. Видимо, та и привела их с мамой в дом, где его держали в плену. А потом тем более неизвестно каким путем они добрались сюда, тот путь, что выбрал для этого сам Сонгцэн, был не оптимальным.

Он хотел пошутить, что подарки от жены-шаманки мотивируют хранить верность, потому что она всегда будет знать, где ты, но даже для себя понимал, что это будет неуместно. Серебряная прядь в волосах Яшви явно говорила о том, какой ценой ей дался этот поиск, благодаря которому он был жив и получил возможность отсюда выбраться.

- Я всегда буду брать её с собой, - пообещал Сонгцэн. - Мне повезло, что у меня есть ты.

Яшви Садхир

Яшви оглянулась в сторону туристов, которые шуршали по их небольшому лагерю по каким-то своим делам, и тут же поймала взгляд одной из женщин, той, что была помоложе. То ли за ними следили, то ли просто не могли побороть любопытство. Яшви сильнее укуталась в спальник, чтобы со стороны не было видно даже не головы, окончательно превращаясь в большую толстую гусеницу.

- Они странно разговаривают, - поделилась она своими наблюдениями с Сонгцэном. Да и вообще они были какие-то странные, вроде бы туристы, а вместе с тем не очень. Лагерь не походил на тот, какой разбивают только ради того, чтобы переждать ночь, а утром продолжить путь, вещей было намного больше, чем было целесообразно в случае просто пешего восхождения на Кайлас, и вообще создавалось впечатление, что они здесь жили уже какое-то время. Люди, конечно, бывают разные, но Яшви казалось странным желание жить в месте, подобном этому. Да, священная гора, но холодно, ветрено, кругом камни и мало зелени, да и ещё и река рядом наверняка ледяная настолько, что уже от одного вида ломило кости.

- Я надеюсь, мы скоро вернёмся в Покхару, - Яшви придвинулась чуть ближе и

приткнулась лбом к плечу Сонгцэна. - Здесь тяжело. Очень много духов.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я не понимаю их язык, - сказал Сонгцэн. - Это какой-то учитель и те, кто приехали вместе с ним чему-то учиться здесь. Я думаю, они ждали чудес, но не ожидали, что увидят настоящую магию.

Он был благодарен этим людям. Они были странными, очень разными, непонятными, но все относились к нему хорошо. Без их помощи он бы не выжил. А сейчас они должны были делиться своими вещами и едой не только с ним, но и со всей его семьей. И никто не знал, как надолго придется здесь задержаться. Тибетское плато не было похоже на Покхару, где в свое время со всего мира собирались хиппи в поисках духовного роста. В Покхаре жаркий климат и теплые ночи, если не сезон дождей, а здесь ледяные ветра сменялись обжигающим Солнцем несколько раз за день. И вряд ли эти люди привыкли к горному воздуху до того, как отправились в свое путешествие.

- Они не только меня нашли и помогли, они спрятали меня, когда японцы приходили меня искать, - сказал Сонгцэн. - Они странные, но хорошие.

Он пока не знал, как мог отблагодарить этих людей за помощь, но понимал, что отец не останется перед ними в долгу.

- Я очень хочу вернуться в Покхару, - произнес Сонгцэн. - Но в таком виде я отсюда не выберусь. Я не чувствую ничего ниже лопаток. Чувствую прикосновения к рукам, но не могу ими шевелить. А из-за того, что не чувствую свою энергию, я вообще не могу понять, что происходит, и сколько нужно времени, чтобы все это восстановить. Я выберусь отсюда, и мы вернемся в Покхару, но я не знаю когда.

Он подумал, что если его восстановление слишком затянется, Яшви могла вернуться в Непал с кем-то из его родителей. Но сейчас даже не стал озвучивать эту идею, зная, что девушка упрямо скажет, что будет с ним. И он был рад за себя, хоть и переживал за неё.

Яшви Садхир

Слова Сонгцэна о том, что эти люди приехали чему-то здесь учиться, заставили ее начать только более скептически относиться к иностранцам. Яшви было непросто доверять людям, она опасалась незнакомцев, подспудно ожидая от них какого-то подвоха, а теперь ещё и выходило, что это были какие-то блаженные, которые приехали на Тибет за чудесами, а получили от Кайласу сомнительный подарок в виде мальчишки с переломанной спиной, женщины, которая могла превращаться в тигрицу, хмурого язвительного аспида, умеющего лечить наложением рук, и ещё молчаливой нее, ни слова не понимающей из обращённой к ней речи. Это при том, что они ещё не подозревали, какой чудесной целью она была для того, чтобы поговорить с каким-нибудь давно почившим чьим-нибудь дедушкой. Прекрасные сувениры и воспоминания из поездки.

Так и до просветления недолго.

Яшви было бы чуть проще относиться к иностранцам со снисхождением и благодарностью, если бы она хотя бы имела представление, о чем они говорят. Конечно, ей могли перевести какую-то часть, но Яшви все равно было не по себе. Как будто это она снова оказалась в незнакомом, непонятном ей мире, в котором ей нужно было научиться выживать.

- Я все равно рада, что я здесь с тобой, - сказала Яшви, сонно прикрывая глаза. - Даже если придется находиться здесь до тех пор, пока ты не восстановишься, чтобы вернуться.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн видел, что Яшви засыпала. Он не знал, сколько времени она его искала, но был уверен, что сил у неё не было уже тогда, когда она только оказалась на этой поляне. И с тех пор она еще не ложилась спать. У него глаза тоже слипались - когда боль притихла, тело вспомнило об усталости от неё.

- Спасибо, - ответил Сонгцэн, глядя на девушку.

Она почти полностью укуталась в пестрый спальник, то ли от ветра, то ли от взглядов. Его Яшви. Если в их отношениях прежде и оставалась тень недопонимания, из-за которой он решил пройти Кору, сейчас он видел, что то, что он прежде считал отстраненностью, было чем угодно, только не холодностью с её стороны. Она была готова ради него на все, она нашла его там, где найти было практически невозможно. И сейчас она была рядом с ним, когда у неё не оставалось никаких сил. Он это очень ценил, но хотел, чтобы она отдохнула.

- Давай спать? - предложил он.

Сонгцэн не стал говорить ей, что она устала, и ей нужно отдохнуть. Потому что она отгонит дремоту и скажет, что готова бодрствовать дольше. Пусть считает, что спать хочет он, и у неё самой не будет причин бороться со сном.

Яшви Садхир

Как бы она ни старалась держаться и храбриться, она была вынуждена признать, что еще немного - и рискует уснуть на полуслове. Ей бы не хотелось, чтобы Сонгцэн это заметил, но он все же предложил спать. Она вспомнила, что ему сделали укол обезболивающего, а до этого ему неизвестно сколько приходилось терпеть боль. Должно быть, укол все же подействовал, и ему тоже хотелось спать. Проще было думать именно так.

- Но разбуди меня, если тебе что-то будет нужно, хорошо? - попросила Яшви перед тем, как закрыть глаза. Она была уверена, что будет спать достаточно чутко, чтобы услышать, как Сонгцэн ее позовет, а если раньше проснется Бо-джи, то Яшви этого точно не пропустит - она лежала близко к принцу, чтобы это понять. Несмотря на то, что за время жизни во дворце она порядком разнежилась и привыкла к хорошему, Яшви была неприхотлива, и одного спальника и близости Сонгцэна ей было достаточно, чтобы чувствовать себя нормально. Хотя земля под боком была довольно жесткой, а ветер холодным.

Но обо всем этом она уже не успела подумать как следует. Ее охватил сон практически сразу же, не оставив места ни единой связной мысли.
